

Протоиерей Максим Козлов

ПРОМЫСЛ – ШТУКА НЕЛИНЕЙНАЯ

Рассказы и воспоминания

Москва · Издательский дом «Никея» · 2016

Серия «Священническая проза»

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р16-608-0322*

ISBN 978-5-91761-580-6

© Издательский дом «Никея», 2016

© Козлов Максим, прот., 2016

Содержание

Предисловие	7
Fuimus Troes, fuit Ilium	
Патриарх нашей юности	16
Fuimus Troes, fuit Ilium	18
Епископ Якутский Зосима – человек и архиерей Божий	22
Sub specie aeternitatis.....	25
Памяти протопресвитера Александра Киселева	33
Первопроходец.....	42
Это было небо на земле	
Это было небо на земле	48
Как я был на Пасху в музее Ленина	58
О самом лучшем факультете с любовью	
О самом лучшем факультете с любовью	74
Mutatis mutandis.....	82
О чуждом и родном: две истории	87
Восторг кактусиста	93
Imagines	
Imagines	100
О Печорах – благодарное.....	103
Пахомиева горка.....	106
Филаретика + Евгеника	107

Ракитное.....	109
Memories – другу.....	112
О русском писателе замолвите слово	114
Воспоминание	117
Об искренности.....	119
Выбор Бонхёффера.....	121
О ярости, о гордости, о Папе	122
Об Отечестве	
Перегородки, которые не достают до неба	132
Четверть века без советской власти.....	141
Небанально о церковной жизни	
Промысл – штука нелинейная	150
Из Иерихона в Иерусалим без vip-билета	156
Корпорация Счастья	163
Всенощная под Николу зимнего. Быль	179
Pro familia	
Как найти хорошую жену и матушку	186
О мужской ответственности, смирении и мужественности.....	190
Нужно оставить ребенка перед Богом одного. 197	
Про литературу, и не только	
Об ограниченности и безграничности христианской литературы.....	206
За чтение «Архипелага ГУЛАГа» сажали в тюрьму.....	216
Церковно-лирическое	221
Были и небыли	237
О Воскресении Христовом	261

Предисловие

Высокое собрание

Любая книга предполагает жанр: роман, повесть, сборник рассказов, очерков, проповедей, мемуары, записки, дневники, но как определить жанр написанного отцом Максимом Козловым? Свиток, сочинение на вольную тему, свод полусмешных, полупечальных главок, но именно в смешении, внутренней свободе, фрагментарности, открытости, простоте и одновременно изобретательности (полистайте оглавление и посмотрите, как здорово названы все эти фрагменты) заключено невероятное обаяние этой книги. Она далеко не первая, вышедшая из-под пера известного церковного писателя и проповедника. Читатель давно знает «Последнюю крепость», «Мир и клир», «Четыреста вопросов и ответов о вере, Церкви и христианской жизни», ставшие «бестселлерами», но эта книга особенная. Она поразительно выстроена. По-розановски. Когда все чередуется, дробится, мелькает и сменяет друг друга, но за кажущейся калейдоскопичностью угадывается свой замысел и почерк. В этих главках есть место радости и грусти, умилению и сокрушению, легкой мыслию и серьезности. В них точно схвачено время и место, и за это я могу совершенно точно ручаться, потому что был свидетелем, а где-то даже и героем того, о чем пишет автор. Не скрою, мне было

интереснее всего читать о нашем общем студенческом времени, потому что мы учились на одном курсе филологического факультета Московского университета, хотя дружны в ту пору не были. Слишком большая пролежала дистанция. Максим Козлов, студент элитарного классического отделения, куда было очень трудно поступить и еще труднее учиться, где изучали древние языки, переводили античных авторов, и я — с разгильдяйского отделения РКИ, что расшифровывалось «русский как иностранный» и иными из преподавателей в сердцах называлось «дубовой рощей».

Но главное отличие было не в этом. На факультете все знали, что Макс Козлов верующий. Говорили об этом вполголоса, но с уважением, и может быть, я ошибаюсь, но в те поздние советские годы религиозность воспринималась как некий диагноз, отклонение от психологической нормы, в чем сам человек и не виноват. Ну типа аутизма, что ли, хотя трудно представить себе кого-то менее похожего на аутиста, чем жизнерадостного, общительного, открытого Максима, командующего сортировкой на картошке и умело ведущего счет студенческим заработкам, чтобы ни свои, ни чужие бригадиры нашего брата не обманули, заядлого курильщика, верного болельщика команды «Спартак» — и не у телевизора, а на стадионе. Но верующий человек, даже если в обычных своих проявлениях он ничем не выделялся, воспринимался как особенный. Вера уважалась и, надо отдать должное вольнолюбивому филфаку, в общем-то не преследовалась. Что говорить, если один из самых любимых наших профессоров Никита Ильич Толстой на Светлой седмице, шествуя по коридору, поздравлял всех пасхальным возгласом «Христос

воскресе!». Про другого очень въедливого молодого профессора с кафедры зарубежной литературы, Василия Михайловича Толмачева, мы знали, что он ходит в церковь, и это только нагоняло на нас больше страха, а на него суровости.

Нет, конечно, все было — стукачи, дружинники, был экзамен по научному атеизму, который мы все сдавали и на котором мне достался вопрос о нравственном значении изучаемого предмета. Не знаю, что бы стал говорить студент Козлов, вытащи он сей лукавый вопрос, а я был в ту пору, что называется, «ищущий, но не нашедший», бросился в рассуждения, припел Достоевского, «Бесов», «Братьев Карамазовых», Альберта Эйнштейна и справедливо получил тройку за умничанье. Все было. Были комсомольские кордоны на Пасху, мимо которых надо было идти твердым шагом или, наоборот, беспечным, как будто ты здесь ни при чем, а потом стремительно свернуть в спасительный во всех смыслах этого слова церковный двор, о чем так трогательно вспоминают на странице этой книги два моих однокурсника — будущий известный московский священник, митрофорный протоиерей и будущий профессор Духовной академии. Профессора зовут Алексей Константинович Светозарский, а тогда он был просто душой нашей веселой компании, поющий под гитару песни собственного сочинения. Но если бы кто-нибудь сказал мне тогда, кем станет Алеша и кем станет Максим, то я бы... а я бы ничуть этому не удивился. И никто бы из нас не удивился. Они были такими уже тогда — глубокими, интересными в общении, чьей дружбы мы искали. Удивился бы я скорее тому, что мне доведется писать предваряющие сочинение отца Максима строки.

А впрочем, даже если бы мы не были знакомы, если бы учились в разное время или на разных факультетах, я бы все равно не прошел мимо этой книги, потому что с самых первых страниц она захватывает и уводит в мир, которого наша литература долго избегала. Даже в таких классических «энциклопедиях» русской жизни, как «Евгений Онегин» или «Война и мир», обходила стороной (Лесков скорее исключение, а вот в хрестоматийном, насквозь религиозном «Преступлении и наказании» Церкви нет, там появляется безымянный, бессильно пытающийся утешить Катерину Ивановну священник и исчезает), а между тем без Церкви и ее людей Россия неполна, непонятна, необъяснима. И когда об этом русском мире пишет человек, его превосходно знающий, любящий, видящий все сильные и слабые стороны, это дорогого стоит. Мне не так часто удавалось, как хотелось бы, но случалось бывать в компаниях людей церковных, слушать их разговоры, предания, байки, восхищаться остроумием, нежностью, наблюдательностью, милосердием и беспощадностью этих, как правило, отличных рассказчиков, и, читая отца Максима, я как будто снова оказывался в этом кругу, и то же самое ждет читателя.

Эта книга будет одинаково интересна людям верующим и неверующим, воцерковленным и невоцерковленным, постящимся и непостящимся, ибо в ней запечатлена поразительная галерея лиц, какие были и каких уж нет, с кем посчастливилось отцу Максиму дружить, повстречаться или просто увидеть, а большинство из нас их лично не знали, хотя много о них слышали. Таков покойный патриарх Пимен — с каким тактом и благоговением обрисован этот человек,

несший бремя патриаршества в советское время! Патриарх Алексей Второй, сохранивший единство Церкви в ту пору, когда вокруг все рушилось, епископ Якутский и Ленский Зосима, легендарный протопресвитер Александр Киселев, вернувшийся из-за границы на Родину в 90-е годы, профессор и автор знаменитого многотомного православного учебника по литературе Михаил Михайлович Дунаев и конечно же очень дорогой и для отца Максима, и лично для меня человек — протоиерей Александр Егоров из храма Ильи Обыденного, у которого я крестился в августе 1986 года. Их всех уже нет на земле, а в книге они живые.

Живо в ней и то, что никто из нас по возрасту не застал, но о чем мы не перестаем спорить. Так, мне представляются очень точными размышления автора о церковной истории XX века и прежде всего о патриархе Сергии, рассуждающие, а не осуждающие оценки и бережная интонация по отношению к нашему прошлому, которое одни сегодня готовы оголтело проклинать, а другие оголтело идеализировать, и отцу Максиму — даром, что ли, учился на классическом отделении — удается соблюсти меру, которой нам всем недостает. Мне близка и дорога его попытка идти срединным, царским путем, отсекая крайности, близок его взгляд на литературу классическую и современную. Да и в самой книге можно найти опыт построения художественного рассказа («Из Иерусалима в Иерихон без vip-билета»), который можно было бы назвать святочным, если бы он имел отношение к Рождеству. Но он все равно о чуде, которого каждый человек, а тем более молодая девушка ждет, и чудо случается. И столько в этом рассказе юмора, нежности, тепла, сочувствия к людям, что вслед за Майей

Кучерской — ее, кстати, как писателя отец Максим очень ценит — можно повторить о чтении для впадших в уныние. Или чудесная быль о молодом египтянине, приехавшем в Москву креститься и по ошибке принятом за террориста. Есть в книге и горечь, и сокрушение, но не о том, что было, а о том, что случилось, о том, что все мы — и мир, и клир — не использовали в полной мере те возможности, которые открыло перед нами время негонений, и никто не знает, сколько оно еще продлится...

Отец Максим не поучает, намеренно никого не наставляет, он просто рассказывает. Художественное произведение, в отличие от проповеди или пастырской беседы, не предполагает никаких обязательств с ответной стороны. Читатель волен в любой момент отложить, бросить книгу, взять другую, и никакого греха в том не будет, но с этой так не получится. Во всяком случае, у меня не получилось точно. Пока не прочел от начала до конца, ничем другим заниматься не мог и потом долго еще мысленно возвращался и вспоминал. Это чтение увлекает, затягивает, не отпускает от себя, и, что всегда ценится в хорошем романе, сочинитель, очевидно, знает больше, чем говорит. И хотя книга кончается так, как и должна кончаться такая книга — пасхальной радостью, Воскресением Христовым, — складывается ощущение, что это только первая часть и автор войдет во вкус и не станет зарывать в землю еще один данный ему Богом талант писателя, рассказчика. И вот что еще важно. Здесь тот самый случай, когда чтение глазами не заменяет слушание, и я очень надеюсь, что Максим Евгеньевич когда-нибудь запишет, а издательство выпустит

аудиокнигу, и голос настоятеля будет раздаваться в домах, личных и служебных автомобилях, и люди будут слушать эти рассказы еще и еще.

Церковь не в бревнах, а в ребрах. Собственно, об этих ребрах отец Максим и написал, и польза от этого чтения огромная. Так, попробуйте пройти мимо такого авторского размышления: «Если у отцов есть известная максима о том, что спасение обретается между страхом и надеждой, то от противного можно сказать, что путь в ином направлении лежит между самоедством и самооправданием». Тут хочешь не хочешь погрузишься в глубокую задумчивость: что делать тому, кто испытывает все четыре состояния попеременно, а то и сразу?

Писатель Максим Козлов не дает ответы, он ставит перед читателем вопросы — вот отличительная черта истинной литературы.

Алексей Варламов, писатель

Fuimus Troes, fuit Ilium

Патриарх нашей юности

Столько уже лет прошло со дня смерти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена в 1990 году. Но 9 сентября¹ — по-прежнему день нашего патриарха. Которого мы любили.

Он не был образован, совсем уж не был златоустом, ничего не делал за гранью тогда дозволенного, подписывал послания, которые по молодости не хотелось и слышать (вольнолюбцы, мы выходили воздухом подышать, когда читали то из них, которое к 60-летию советской власти), никакими внешними действиями не защищал тогдашних властителей наших горячих сердец и скорых на суд голов.

Но было то, что становится дороже из года в год, что мы чувствовали и тогда. Шила в мешке не утаишь. Довольно долго можно прятать немолитвенность разными путями, но если человек молится, этого не спрячешь. Патриарх Пимен молился.

Первый раз я был на его богослужении в Обыденском храме. Пятничный акафист. Что-то немного было в вечерне по-другому, какое-то песнопение по-гречески, незнакомый священник в митре читает первым. Удивительный голос, молодой и сильный, безупречная артикуляция — это можно сказать о внешнем. И молится, это чувствуешь, как на тебе отзывается.

¹ Память преподобного Пимена Великого, день тезоименитства патриарха Пимена.

Он бывал в Обыденском часто и очень просто. Приезжал, входил боковыми дверями, без россыпи орлецов и толпы иподиаконов, без ковровых дорожек от края и до края, чаще всего с архимандритом Никитой и кем-нибудь из Соколовых². Молился на вечерне в алтаре, читал акафист, всегда вместе с отцами, иногда говорил несколько слов, на последнем акафисте перед постом всегда просил прощения, благословлял и так же боковыми дверями уходил. И это все было настоящее.

Бывал он и на престол, и на дни памяти «Нечаянной Радости», но тут уж столпотворение, и с этих служб я больше помню архидиакона Стефана³ с его потрясающим уходом куда-то за пределы того, что слышит ухо, но от чего трепещет все внутри тебя. «...Благую часть избра-а-а...» — и кровь медленнее течет в жилах. Отче Стефане, и ты неотделим от этого дня.

А еще, конечно, Троица и особенно дни памяти преподобного в лавре. Мы старались ездить с друзьями. Успенский собор (в Троицкий не попасть) с ломающей ребра толпой. Но мы ведь любили эту толпу, это нигде больше не собирающееся множество православных людей. После молебна мы довольно долго ждали, он — наш патриарх — выходил на балкон покоев и благословлял народ, что-то очень простое говорил. И был праздник.

Еще помнится: за год, наверное, до смерти. Покров, Академия. На этот праздник он к нам приезжал всегда. Тут он был уже очень болен. Служить не мог, но к торжественному акту прибыл. И его, почти недвижимого, на кресле, поставленном на носилки, через актовъй зал несли до президиума. Патриарх нашей юности, Пимен. Вечная память.

² *Соколовы* — известная священническая династия.

³ *Стефан Гавшев* — архидиакон Патриарха Московского и всея Руси Пимена.

Fuimus Troes, fuit Ilium⁴

Каждому из нас сейчас вольно или невольно приходит на ум то, что было сделано Святейшим Патриархом Алексием II за годы его первосвятительского служения. Прежде всего, величайшая его заслуга — сохранение единства Русской Церкви в ситуации, когда объективно все было против этого: и распад государства, и рост националистических настроений, и прямые побуждения властей в новообразованных государствах к созданию новых церковных структур, и беспокойный духовный климат в обществе.

Иногда некоторым из нас приходило на ум: что же патриарх медлит? По какой причине не накладывает прещений на тех или иных людей? Но жизнь показала, что эта неспешность и была его величайшей мудростью, благодаря которой никто, кроме тех, кто сам пожелал себя отсечь, — ни правые, ни левые, ни патриоты, ни либералы, ни русские, ни люди других национальностей не оказались вне спасительной церковной благодати, и этого уже никто никогда не отменит.

Заслугой Святейшего является и преодоление многодесятилетнего раскола Русской Православной

⁴ «Были мы троянцами, был Илион». Илион — другое наименование Трои. Латинская крылатая фраза, впервые встречается в поэме Вергилия «Энеида». Употребляется при упоминании о чем-то безвозвратно ушедшем, в значении «это уже в прошлом, теперь этого уже нет».

Церкви. Та литургия на праздник Вознесения Господня 17 мая 2007 года, которую мы в первый раз служили вместе, и тот возглас «Христос посреди нас!», которым он и приснопамятный митрополит Лавр обменялись на этой литургии, навсегда вписаны в историю Русской Церкви.

Еще один момент — корректные церковно-государственные отношения, которые должны были сложиться по-новому в новых реалиях нашей жизни. Очень важной была не раз подчеркнутая Святейшим Патриархом мысль, что наша Церковь не должна быть государственной, что нам не нужен никакой новый Совет по делам религии. Диссидентам было легко критиковать вмешательство светской власти в дела Церкви и выступать за ее независимость, находясь за границей; другое дело — проводить мысль об автономности Церкви, когда государство ей благоприятствует и склонно оказывать предпочтение.

Наконец, упомяну то, что период восстановления церковной жизни, переход от нескольких тысяч к десяткам тысяч храмов, от полутора десятков к сотням монастырей, от небольшого слоя духовенства к тысячам пастырей в одной только России был осуществлен пусть не без болезненности, не без перекосов и ошибок, но без слов: мы сохранились как Русская Церковь, и во многом это его заслуга.

Святейший Патриарх был человеком среднего, царского пути, умевшим отсекал крайности и никогда не дававшим спровоцировать себя на резкие, эмоциональные, непредсказуемые шаги. Он умел быть твердым и мужественным — вспомним ситуацию 1991 года, когда он отказался от поминовения властей, молебен перед Владимирской иконой в Патриаршем соборе 3 октября 1993 года, его настойчивость при обретении

мощей святых угодников Божиих, открытию монастырей и храмов — все это не должно быть забыто нами. Благодаря патриарху мы избежали югославского сценария в общении людей разных религий и конфессий между собой. Мы можем по-разному относиться к мусульманам или иудеям, буддистам или атеистам, но у нас не возникло религиозной ненависти.

Мы всегда будем благодарны Святейшему Патриарху и за то, как был открыт наш храм святой мученицы Татианы⁵. Конечно, храмы в руках Божиих, но все получилось бы тяжелее, болезненнее и гораздо позже, если бы не решение патриарха о назначении исполняющего обязанности настоятеля (всего через несколько дней после того, как ученый совет Московского университета проголосовал за возрождение храма). Второе — это его решение приехать сюда в январе 1995 года, когда здесь была очень неопределенная обстановка. Атмосфера вокруг открытия храма была напряженной, можно было ожидать любых провокаций, и руководству университета было непросто определить свою позицию. Но все стало на свои места благодаря тому, что патриарх 25 января 1995 года отслужил здесь молебен. Посмотрев на весь ужас, который тогда был в помещении, — на белые пятиконечные звезды в лепнине, на театральные маски⁶, взирающие на людей с мест, где должны быть изображены евангелисты, — он дал согласие на просьбу совершить литургию.

⁵ С 1994 по 2012 год протоиерей Максим Козлов был настоятелем домового храма святой мученицы Татианы при МГУ им. М. В. Ломоносова.

⁶ С 1958 года в здании храма находился студенческий театр МГУ.

И потом он приезжал на Татьянин день каждый год, когда находился в Москве и был здоров. Нам всегда хотелось, чтобы великое освящение храма прошло быстрее, но, оборачиваясь назад, можно сказать: слава Богу, что это случилось в 2004 году. Мы долго шли к этому, готовились все вместе, и за то должны быть очень благодарны Святейшему. Я помню, каким праздником стало это для нас на Субботу Акафиста 2004 года.

Патриарх всегда очень хорошо говорил о ректоре Московского университета, и это помогало самому Виктору Антоновичу. Планка, которую Святейший задавал ректору, была для него ориентиром в духовном плане, — а это важно для всего университета.

Память о патриархе, который продолжил дело святителя Филарета и вновь освятил храм в Московском университете, так же неотъемлема от истории Татианинского храма, как неотъемлемо и служение великого иерарха XIX столетия.

А для тех, кто знал и помнил Святейшего Патриарха Алексия, всегда дорого то личное, что можно пронести через всю жизнь. Он рукополагал меня в сан священника на праздник Казанской иконы Божией Матери в Богоявленском соборе. Каждому хиротонисуемому священнику он говорил у престола краткие слова; эти слова не могут быть воспроизведены публично, но я запомнил их на всю жизнь.